Пробуждение дается мне крайне тяжело. Горло дерет, отстранено подмечаю, что это простуда, но она теряется на фоне всего остального. Тело настолько слабое, что поднять голову целый подвиг, а любое движение отдается болью,даже простое дыхание затруднено, а взгляд плывет.

Воспоминания предшествующие моему плачевному состоянию, обрушиваются волной, заставляя дернуться и тут же скрутиться от невозможной боли, делая мое состояние еще хуже. Где-то рядом резко запищали приборы, хотя я не видела подключенных ко мне проводов или капельниц. Мыслей в голове не осталось, все перекрывала боль.

Я не знаю сколько корчилась в агонии на кровати. Секунду? Минуту? А может час? Когда тебя скручивает от боли, понятие боли весьма субъективно, но в какой-то момент прекратили пищать приборы. Прошло еще мгновение и на границе сознания забрезжило чувство прохлады, которое постепенно увеличивалось и разрасталось, принося облегчение. Еще через какое-то время до меня дошло, что это техники ирьедзюцу, но немного нестандартные. Это явно не работа наших клановых ирьенинов. У тех бы на подобное не хватило умений, я была в этом уверена.

Боль не уходит, но возвращается в рамки терпимой, почти позволив мне провалиться в сон-обморок, только я вспоминаю про Шисуи и с трудом открываю глаза. Картинка никак не хочет проясняться, мне остается только предполагать насколько же я перенапрягла глаза, пытаясь тем самым помочь себе исцелить друга. Впрочем, это не так важно. Я жива, все остальное поправимо.

- Шисуи… - шепчу, а может хриплю, если не вовсе шевелю губами, практически без звука. Уши не могут уловить ничего. Впрочем, меня явно не слушают, слишком резко погружаюсь во тьму.

Во второй раз сознание приходило неохотно, урывками, пока не прояснилось окончательно. Глаза уже не болели, но видела я с трудом, состояние тела было приемлемым, с сильной слабостью и отголосками боли не идущими ни в какое сравнение с моим первым пробуждением. Вопрос с Шисуи оставался открытым, но наученная горьким опытом, я больше не делала резких движений, постепенно открывая глаза и прислушиваясь к своему состоянию. Все было нормально и я позволила пошевелить головой, последствий кроме слабости не было. Отголоски боли можно было игнорировать, поэтому я крайне медленно позволила себе приподняться и оглядеться.

Палата. Большая. Чистая. Пустая.

В помещении кроме кровати, на которой лежала я, и тумбочки с какими-то приборами, больше ничего и никого не было. Возможно, был кто-то за дверью (сто процентов был!), но чакра я вообще не ощущала, а следовательно и сенсорика отсутствовала. Временно. Практика показала, что стоит преодолеть чакроистощение и все станет как обычно, но на деле такое состояние было крайне неприятно. Будто мир сразу лишился половины красок, упавшее зрение только усиливало это впечатление, а простуда добивала измученное тело.

Тревожно. Скучно. Ограниченно.

До этого момента я даже не осознавала насколько сильно на меня влияли мои новые способности. Даже если я не задействовала их специально, пассивно они всегда помогали мне. Иногда мне даже смотреть не надо было по сторонам, я просто знала, что, где и как располагается. Моим самым лучшим умением был не Шаринган, а сенсорика. Лишившись ее, я чувствовала себя беспомощной. Мне было почти страшно. Будто я внезапно оказалась в полной темноте и вокруг никого не было. Меня захлестывала паника, я больше не могла оставаться на месте. Я должна узнать…

Все тело налито свинцовой тяжестью, каждое движение по моим ощущениям отнимает столько энергии, сколько в обычное время я тратила целый день. Я ничего не могу с собой поделать, только миллиметр за миллиметром продвигаться вперед. Тело будто чужое, не желает слушаться. Я обливаюсь потом, чтобы просто сдвинуть ноги и попытаться встать. Они меня не слушают! В них нет силы, я просто падаю вниз, не успевая подставить руки и больно ударяясь лбом. Перед глазами летают искры, но меня радует уже то, что не разбила нос и не налетела на угол тумбочки. Остановить кровь я не смогу.

Пережидаю пару мгновений. Шум просто не мог никого привлечь, но за дверьми все так же тишина! Никто не пришел, не захотел узнать что со мной. Тревога нарастает. Пытаюсь поднять голову и оглядеть все мутным взглядом. Пользы никакой! Непослушные руки не могут поднять тело, но я не сдаюсь, неуклюже пытаюсь доползти до двери. Секунда за секундой, сантиметр за

сантиметром. Не может же быть такого, что меня бросили?! Что я осталась одна?! Я точно помню, что брат успел! Что в прошлое пробуждение кто-то пришел мне помочь!

Медленно вытянуть одну руку, после чуть подтянуть ногу, оставив ее под почти прямым углом к телу, собрать силы, толкая себя вперед. Холодный, гладкий пол не дает потерять связь с реальностью, но он же мешает двигаться вперед. Я сама себе напоминаю червяка, что почти не сдвинулся с места, но я ничего не могу с собой поделать. Я отвоевываю себе миллиметр за миллиметром, перед глазами только одно – дверь. Я обязана до нее добраться! Я должна убедиться, что не одна, что меня не бросили! Что Шисуи жив…

Я почти скулю от отчаяния, дверь приближается слишком медленно, сил почти не осталось, мне приходится сделать передышку, прежде чем осмеливаюсь сделать рывок и сесть, облокотившись на стенку возле двери. Еще немного и я бы упала, тело осталось прижатым к стене, но опасно наклонившимся на один бок, но вовремя подставленная рука спасает от падения, дрожа от напряжения. До боли кусаю губу, чтобы не отключиться, миллиметр за миллиметром восстанавливая равновесие, выпрямляя тело и давая себе очередную передышку. Взгляд не отрывается от ручки, я понимаю, что у меня нет сил поднять и открыть. Мне стоит уповать лишь на чудо, но я свой лимит уже выбрала.

Глубокий вздох, на секунду прикрываю глаза, собирая каждую крупицу своей силы и делаю что-то отдаленно напоминающее рывок. На деле, хватаюсь за руку и висну на ней, используя вес тела и инерцию от полупадения, чтобы заставить ее отъехать в сторону и открыть доступ в пустынный коридор… нет, не пустынный. Взгляд встречается с невозмутимым соклановцем. На мгновение мне становится страшно от его взгляда, там столько ненависти… но стоит моргнуть и ее больше нет, только подчеркнутое безразличие. Почему? Что я сделала не так? Почему он не зашел, когда услышал шум? Почему не помог? В глубине души рождается страх. Никто в Клане не смотрел на меня так! Я ведь химе.

- Вам стоит вернуться в постель, - от холода и равнодушия в чужом голосе по спине пробегает дрожь. Так не должно быть! – Я оповещу Фугаку-сама, что вы очнулись.

- Что? – руки судорожно цепляются за ручку, встать на ноги я даже не пытаюсь, ощущая их слабость, будто вместо них у меня варенные макаронины! Голос хриплый, из груди рвется кашель. – Где ни-сан? Кха-кха-кха! Где Шисуи?! Кха…

- Я помогу, - сокланoвец игнорирует мои вопросы, как и душащий меня кашель, небрежно поднимая и довольно грубо отрывая от ручки двери сведенные судорогой пальцы.

Он не собирается меня жалеть, помогать тоже. в себя прихожу от перехватившего дыхания, когда меня довольно грубо бросают на кровать и уходят, даже не потрудившись накрыть одеялом или хоть как-то проявить если не заботу, то внимание. Кашель не прекращается, но воды нет, не говоря уже о том, что я вряд ли бы смогла удержать в руках стакан. Прячущаяся на задворках сознания боль, постепенно отвоевывает себе место. Мне быстро становится хуже, даже унявшийся кашель уже ничего не меняет, я просто сжимаюсь в позу эмбриона, в тщетной попытке уменьшить дискомфорт, предотвратить усиление боли. Дыхание тяжелое и прерывистое, я боюсь шевелиться, что угодно может спровоцировать новый приступ кашля и тогда не выкашлянные недавно остатки легких, точно окажутся на свободе!

Время идет мучительно медленно. Грубый сокланoвец не возвращается, хотя я уже успокоила кашель и почти уговорила боль отступить. Сразу же наваливается усталость, а измученное тело погружает в тревожную полудрему, я боюсь пропустить появление хоть кого-то!

Дверь распахивается, моментально открываю глаза, пытаясь понять кто пришел. В помещение входит незнакомая молодая женщина в униформе госпиталя и начинает проверку моего состояния. Наконец-таки мне дают попить, но все другие запросы игнорируют, задавая стандартный пакет вопросов и тут же записывая ответ, предварительно что-то проверив шосеном.

Проверка не длится бесконечно, собрав достаточно информации, женщина удаляется, а сокланoвец даже не попытался войти. Я вновь остаюсь одна с кучей вопросов, на которые никто не собирался отвечать. И плевать, пусть игнорируют все, но ответят лишь на один вопрос – где Шисуи?! Что с ним?!

Меня трясет, будь чуть побольше сил, я бы уже сорвалась с места и пошла требовать ответы, наплевав на все. Только сил не было, я с ужасом понимала, что сознание заволакивает тьма. Похоже, в воду что-то добавили, а я из-за боли и раздираемого кашлем горла, ничего не смогла

ощутить.

Холодно. Страшно. Темно!

Я не знаю сколько длится потеря сознания в этот раз. В памяти не остается ничего кроме темноты и ужаса. Вроде бы я все это время кого-то искала, куда-то бежала, от кого-то пряталась. Не знаю. Сон не запомнился, но оставил липкое ощущение ужаса и выступивший по всему телу холодный пот. Зато очнулась сразу, даже зрение было уже не таким размытым, а ватное тело слушалось гораздо лучше. Чакра тоже плескалась где-то на донышке, радуя начавшим восполняться резервом. Горло, правда, дерет невероятно из-за чего я не осмеливалась сказать ни слова, боясь начать кашлять. Простуда явно усугубилась, не торопясь отпускать ослабленный организм.

Оглядываюсь, на этот раз вполне нормально, голова немного кружится, но это уже не идет ни в какое сравнение с предыдущими пробуждениями. Пошевелив руками и ногами, убеждаюсь, что на месте конечностей именно они, а не варенные макаронины. Теперь шевелюсь намного увереннее, уже собираясь встать и шагнуть в сторону двери. В данный момент я уже могу требовать ответы и никому не дам себя игнорировать. Я обязана узнать, что произошло после того, как я впервые отключилась.

Спустить ноги на пол не успеваю, двери распахиваются и в помещение входит Итачи, неся в руках поднос с чем-то дымящимся. Следом идет уже знакомая ирьенин, за чьей спиной я без труда различаю Фугаку и старикана в одеянии Хокаге. У дверей заметна пола одежды еще кого-то из Учиха. Все предельно серьезные, даже брат не улыбается и выглядит откровенно жутко, под глазами огромные темные мешки, а взгляд больной, виноватый и он постоянно его отводит. Отец смотрится чуть лучше, но взгляд темный, злой. Единственный кого я вообще не могу читать – это старый Хокаге, Хирузен Сарутоби.

- Как ты себя чувствуешь, Саске? – брат ловко подходит, помогая удобнее устроиться и заботливо подносит к губам дымящуюся чашку. На удивление, там не кипяток, а жутко горький отвар вполне комфортной температуры. Я даже не сопротивляюсь, выпивая его одним махом, хотя и не могу по запаху определить и половины вошедших в состав варева трав.

- Лучше, - влага смягчила горло, голос звучит уже не так хрипло. – Ни-сан, что с Шисуи?

- Имо…

- Кхм! – брата перебивает Фугаку, довольно бесцеремонно пытаясь его от меня отодвинуть. – Об этом мы и хотели узнать, что ты последнее помнишь, Саске?

- По-мню? – чуть запинаюсь, не понимая вопроса. О чем отец вообще говорит? Что я должна помнить? Почему стоит взглянуть на Итачи, тот отводит глаза? Почему? Что происходит?

- Да, нам бы хотелось узнать кто тебя похитил, - в разговор вмешивается старческий голос. – Кто смог пройти сквозь охрану деревни и твоего Клана так, что неладное заметил лишь Шисуи?

- Шисуи? – повторяю тупо, мозг не может понять, что от меня хотят. В отдельности слова понятны, но собираясь в предложения, теряют для меня смысл.

- Пожалуйста, Саске, постарайся вспомнить, - старику уступают дорогу и даже пододвигают стульчик, чтобы он мог сесть напротив меня и встретиться глазами. Неприятный мне запах табака достигает носа, а не по-старчески крепкая ладонь осторожно похлопывает по краю кровати. – Я понимаю, что тебе трудно смириться с потерей, но ради погибшего, постарайся вспомнить…

- Погибшего? – перебиваю, зацепившись за очередное, слишком страшное для меня слово.

- Ради Шисуи… - слова звучат мягко, но в памяти цепкий взгляд. Не добрый, не сочувствующий, просто цепкий.

- Шисуи… по-погиб? – слова с трудом покидают горло, они кажутся неправильными. – Нет-нет, он не мог! Он жив! Я не дала ему погибнуть, я держалась!.. – запинаюсь, смотря на отводящего взгляд брата. Виноватый, разбитый и не смеющий встретиться со мной взглядом. – Нет! Я помню, что меня поймал ни-сан! Итачи, ты же успел привести подмогу?! Шисуи не мог умереть! – слова становятся все тише, последнее я кричу уже шёпотом, так и не сумев поймать взгляд брата, только увидеть суровый взгляд Фугаку. - Нет.

- Когда я пришел, ты потеряла сознание, извини, - чужие слова будто что-то убивают внутри меня. Сил нет даже кричать, глаза начинает невыносимо печь, меня скручивает. Я больше ничего не слышу, не вижу. В голове слышится только одно:

извини, извини, извини…

Нет, это же не может быть правдой? Я же держалась, брат же пришел… почему? ПОЧЕМУ? ПОЧЕМУ?!

Продолжение следует…

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

http://tl.rulate.ru/book/71427/2764053